

Мы рассмотрели лишь два вида приемов, помогающих воспроизведению средневекового обыденного сознания. Нет сомнения, что подобные приемы могут быть очень многообразными. Их дальнейшая методическая разработка — обязательное условие расширения наших знаний в этой сфере и в то же время средство верификации этих последних. Сознательная необходимость дальнейшей проверки имеющихся суждений, отметим тем не менее, что присутствие в обыденном сознании средневекового пласта стереотипов — «автоматизмов» вполне естественно. Особой насыщенности ими обыденного сознания средневековья, как и других капиталистических обществ способствовали крайняя замедленность социокультурного развития, долгое сохранение традиционных форм. Мотивация этих форм, сложившихся в более или менее отдаленном прошлом, в дальнейшем предавалась забвению, необходимость в их оправдании постепенно отпадала, сами же они в той или иной степени фетишизировались, приобретая порой даже магический оттенок. Надо ли удивляться, что сложившиеся стереотипы восприятия и поведения не требовали осмысления и не подвергались осознанию, по крайней мере со стороны основной массы современников?

Однако пласт неосознанных, неотрефлексированных установок и стереотипов, неизменно присутствовавший на данном этапе в сфере обыденного сознания, не заполнял его целиком²⁷. Кроме архаических стереотипов эта сфера сознания включала значительно более динамичные представления о социальном благе, об этических и эстетических принципах и т. п. Эти представления нередко расходились с нормами, признанными в данный момент в господствующей идеологии; они воплощались в таких случаях некие неконформистские модели, существовавшие не в виде теории или набора регламентированных правил поведения, но в форме совокупности противостоящих официозному идеалу устремлений, привычек или убеждений²⁸. В любом случае эти меняющиеся под воздействием конкретного социального опыта представления оказывались одним из стимулов перестройки архаических стереотипов. Раньше всего их перестройка осуществлялась в общественной практике верхов.

Таким образом, сфера обыденного сознания средневековья, помимо неотрефлексированных всеобщих стереотипов в манере чувствовать и думать, включала и обширный слой более изменчивых и в достаточной мере осознанных социокультурных представлений, во многом специфичных для разных социальных групп.

²⁷ Подобными установками изобилует и обыденное сознание современных народов развивающихся стран, со свойственным им архаизмом некоторых социокультурных представлений (см. Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984). Неотрефлексированные и иррациональные компоненты обнаруживаются и в обыденном сознании других народов (см.: Келле В. Э. и Ковальзон М. Я. Формы общественного сознания, с. 25; Ойзерман Т. И. Указ. раб., с. 95; Шахзадеян М. А. Указ. раб., с. 43, 63).

²⁸ Такие «конкурирующие» между собой представления могли касаться воззрений на труд, на состояние войны и мира, на идеальный общественный строй, на идеального рыцаря и т. д., см. Ю. Л. Бессмертный, А. Я. Гуревич. Идеология, культура и социокультурные представления..., с. 34—41.

В. П. Алексеев

О НЕКОТОРЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ ЕВРОПЫ

Исключительное внимание европейских археологов к изучению европейской территории предопределило характер находящихся в нашем распоряжении палеоантропологических материалов, особенно из могиль-

ников ранних эпох. Европа несравненно лучше изучена в палеоантропологическом отношении, чем любой другой континент, Это справедливо и по отношению к верхнепалеолитическому времени, костные остатки из верхнепалеолитических погребений всегда вызвали особый интерес. Поэтому начиная с находки энгисского черепа описание европейских верхнепалеолитических находок насчитывает больше 150 лет. Карта верхнепалеолитических памятников Европы с костными остатками древних людей несравненно более насыщена, чем карта любого другого материка¹.

Наибольшая заслуга в изучении палеоантропологии верхнего палеолита принадлежит французским археологам — в горных районах Франции верхнепалеолитические погребения особенно многочисленны, открыты уже много десятилетий назад, сейчас продолжают открывать новые, найденные скелеты верхнепалеолитических людей тщательно описаны. Поэтому французским исследователям принадлежит и одно из первых обобщающих руководств по ископаемому человеку, в котором были не только суммированы все доступные в то время данные, но и предложена их морфологическая и генетическая интерпретация на уровне науки того времени². Руководство это выдержало четыре издания (последнее вышло в 1952 г.), было переведено на другие европейские языки, изложенные в нем идеи получили широкое распространение и поддержку среди специалистов и были крайне популярны в кругах читателей, интересующихся первобытностью. Именно в этой книге была многосторонне аргументирована идея отсутствия генетической преемственности между неандертальским и современным человеком. Эта идея тогда же была блестяще раскрытикована А. Хрдличкой,³ но окончательно от нее отказались лишь в последние два десятилетия.

В отношении морфологического типа верхнепалеолитического населения Европы эта книга канонизировала представление, возникающее с началом изучения первых находок. Согласно этому представлению, люди, проживавшие в Европе в эпоху верхнего палеолита, отличались широким и низким лицом. После известных находок в пещере Кро-Маньон и в гротах Гримальди эта особенность, а также массивность скелета, большие продольные размеры длинных костей конечностей и долихокрания стали рассматриваться, как характерный морфологический комплекс для ранних протоморфных европеоидов⁴. Ширина лицевого скелета у этих черепов была близка или больше ширины черепной коробки, поэтому величина горизонтального фациоцеребрального отношения больше 100 дополнила тот комплекс, который по имени наиболее выразительной находки стал часто называться «кроманьонским». Среди прочих культурно-исторических и морфологических аргументов У. Саллас использовал и этот своеобразный признак, защищая свою гипотезу происхождения эскимосов от верхнепалеолитического населения Европы⁵. Своеобразие эскимосов по этому признаку (ширина лицевого скелета примерно равна или даже больше ширины черепа) было продемонстрировано затем в ряде исследований⁶. После того как Г. Ф. Дебец распространил упомянутую комбинацию признаков на древнее население СССР⁷, предложив понятие «кроманьонского в широком смысле» типа, стало

¹ См. карты: *Oakley K., Campbell B., Molleson Th.* (ed.). *Catalogue of fossil hominids*. L., 1967—1975. P. I—III.

² *Boule M., Vallois H.* *Les hommes fossiles*. P. 1923.

³ *Hrdlicka A.* The neanderthal phase of man//*Journal of the Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland*. 1927. V. LVII.

⁴ *Verneau R.* *Anthropologie/Les grottes de Grimaldi*. Monaco, 1906. T. 2.

⁵ *Sollas W.* The Chancelade skull//*Journal of the Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland*. 1927. V. LVII.

⁶ *Hrdlicka A.* *Catalogue of human crania in the United States National museum collections*. Eskimo in general. Washington, 1942; *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области//*Тр. Ин-та этнографии АН СССР*. М., 1951. Т. XVII; *Алексеев В. П., Балусева Т. С.* Материалы по краниологии наукаских элементов (К дифференциации арктической расы)//*Сов. этнография*. 1976. № 1.

⁷ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР//*Тр. Ин-та этнографии АН СССР*. М.—Л., 1948. Т. IV.

привычным в каждой древней серии искать «кроманьонские» особенности. Их находили даже на мужском черепе из Верхней пещеры Чжоу-коудянь⁸.

Параллельно с подобным интегрирующим подходом к оценке морфологических особенностей верхнепалеолитического населения Европы развивался дифференцирующий подход, в основе которого лежало стремление не нивелировать, а, наоборот, демонстративно выявить различия между отдельными находками. Этот подход привел к интересным попыткам выделить локальные варианты в составе верхнепалеолитического населения Европы, из которых наибольший резонанс получила попытка К. Заллера⁹. В какой-то мере ее дальнейшим развитием была и схема классификации верхнепалеолитических вариантов, предложенная В. В. Бунаком¹⁰. Они встретили возражения¹¹, и вообще полемика вокруг оппозиции «верхнепалеолитическое население — единое антропологическое целое» и «верхнепалеолитическое население — сумма антропологических вариантов» неоднократно возникала в истории палеоантропологии¹². Но и в этих схемах кроманьонский вариант фигурировал в качестве самостоятельного и характеризовался именно теми краниологическими особенностями, о которых шла речь выше.

Слабым местом всех дифференцирующих схем является то обстоятельство, что все или почти все выделяемые варианты представлены единичными находками. Ни тонкий морфологический анализ, ни теоретическое остроумие не дают возможности обосновать таксономическую ценность находки и осуществить территориальную экстраполяцию ее отличительных признаков на более широкую группу находок. Противоположный подход еще уязвимее — при нем учитываются даже не преобладающие, а наиболее бросающиеся в глаза вариации отдельных признаков и морфологические особенности более или менее произвольно выбранных находок неправомерно экстраполируются на весь европейский материк, в отдельных случаях даже на весь древний ареал европеоидной расы, включающий Северную Африку и Переднюю Азию.

В качестве доказательства реальности массивного, широколищего и низколищего, долихокранного типа верхнепалеолитического населения использовались и результаты вычисления суммарных средних по европейской верхнепалеолитической серии в целом¹³. Полученные средние показывают, что перечисленные признаки налицо у верхнепалеолитических черепов из погребений Европы. Но процедура вычисления таких средних полностью игнорирует существующие индивидуальные, а частично, как мы убедимся дальше, и групповые различия. Действительно, правомерно ли вычисление таких средних, якобы типичных для населения трех материков — Европы и прилегающих областей Африки и Азии — на протяжении 30 000 лет? Число находок за последние два — три десятилетия увеличилось примерно вдвое, они продемонстрировали исключительное морфологическое разнообразие¹⁴, но вычисленные общие средние мало изменились и по сравнению с данными Дж. Моранта¹⁵, и по сравнению с вычислениями Т. С. Кондукторовой¹⁶. С моей точки

⁸ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955 (цитируемый текст принадлежит Я. Я. Рогинскому).

⁹ Saller K. Die Menschenrassen im oberen Paläolithikum//Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1927. Bd. 57.

¹⁰ Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1959. Т. XLIX.

¹¹ Гохман И. И. Ископаемые неолиты//Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.

¹² См., например: Дебец Г. Ф. Брюни-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы//Антроп. журнал. 1936. № 3.

¹³ См., например: Кондукторова Т. С. Палеоантропологичні матеріали вонизьких пізньонеолітичних могильників//Матеріали з антропології України. Київ, 1960. Вып. I.

¹⁴ Сводка данных: Алексеев В. П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1978.

¹⁵ Morant G. Studies of palaeolithic man. IV. A biometric study of the upper palaeolithic skulls of Europe and of their relationships to earlier and later types//Annales of Eugenics. 1930. V. IV. P. I—II.

¹⁶ Кондукторова Т. С. Указ. раб.

зрения, это свидетельствует о крайней искусственности всех подобных вычислений. Выбрав наиболее контрастные антропологические комплексы внутри современного человечества и вычислив, опираясь на них, средние для всего человечества в целом, мы получим какой-то средний тип, но это совсем не будет означать, что он реально существует.

Накопление материалов по палеоантропологии европейского палеолита позволяет на основе конкретных фактов рассмотреть вопрос о представительности отдельных находок и возможности реконструировать с их помощью степень гетерогенности европейских верхнепалеолитических популяций. В то же время число находок и сейчас не так велико, чтобы их группировка была проведена строго формализованно, а полученные группы сопоставлялись так, как это обычно делается с более полным поздним материалом, т. е. с применением количественных оценок и использованием статистических критериев значимости выявленных различий. Но палеолитические погребения открываются редко, накопление материала идет медленно, ждать, когда он станет настолько многочисленным, что статистические манипуляции с ним окажутся возможны, мало реально. Поэтому любая попытка совмещения специфических морфологических вариаций с определенным географическим ареалом кажется перспективной — нужно только не забывать об относительности таких попыток, а также необходимости их ревизии при появлении каждой новой находки.

Прежде всего, в какой мере соответствует состоянию фактических данных представление о долихокрании верхнепалеолитических людей? Большинство черепов из верхнепалеолитических погребений действительно долихокранны. Но черепа из могильника Солютрэ во Франции имеют форму черепной коробки на границе мезо- и брахикрании. У трех мужских черепов черепной указатель равен 80,2, у двух женских — 79,9. Среди этих пяти черепов один мужской гипербрахикранен (85,2), два других имеют черепной указатель, равный соответственно 79,2 и 76,3, два женских — 78,5 и 81,3. Таким образом, тенденция к расширению черепной коробки имеет место во всей серии (ширина черепной коробки у мужских черепов — 149,7, у женских — 147,0). Именно эта бросающаяся в глаза брахикrania послужила основанием для неоднократно высказывавшихся сомнений в верхнепалеолитическом возрасте черепов из Солютрэ. Однако подобные сомнения не имеют никакой другой причины, кроме морфологической: ни стратиграфия стоянки, ни добытый на ней археологический инвентарь не дают оснований для подобных сомнений.

Между тем тенденция к расширению черепной коробки начала себя проявлять еще в нижнем палеолите. Последняя находка остатков питекантропа на Яве (отличающаяся более или менее приличной сохранностью) — череп VII имеет черепной указатель, равный 80,7¹⁷. Строго говоря, эта цифра не является вполне неожиданной, так как у черепа питекантропа IV черепной указатель достигает близкой величины в 79,4¹⁸, но, поскольку он был смонтирован Ф. Вайденайхом из несоприкасающихся фрагментов, относиться к этой цифре приходится с сомнением. Аналогичная тенденция к расширению черепной коробки проявляла себя и в среднем палеолите, который представлен в Европе довольно значительным числом находок. Классическим примером брахикранных неандертальцев являются крапинские находки — черепной указатель у черепа Д равен 85,4, у черепа С — 83,7¹⁹. Эти величины близки к величине черепного указателя в наиболее брахикранных современных группах. Однако, занимая крайнее место по величине черепного указателя в неандертальской группе, крапинские неандертальцы не составляют исключения: черепной указатель у черепа Саккопастор I — 78,0,

¹⁷ Sartono S. Early man in Java: Pithecanthropus skull VII, a male specimen of *Pithecanthropus erectus*//Proc. Kominul. nederl. Akad. wet. (Series B). 1968. V. 71. № 5.

¹⁸ Weidenreich F. Giant early man from Java and South China//Anthropological papers of the American museum of natural history. 1945. V. 40. P. 1.

¹⁹ Morant G. Studies of palaeolithic man. II. A biometric study of neanderthaloid skull and of their relationship to modern racial types//Annales of Eugenics. 1927. V. II. P. III—IV.

у черепа Фонтешевад II — 79,0. Тенденцию к брахикрании внутри европейской группы неандертальского вида можно фиксировать, следовательно, в разных независимых локусах — на территории нынешней Франции и Чехословакии.

Эта тенденция в послепалеолитическое время была выражена не менее отчетливо. Наиболее выразительным примером мезолитических брахикранов являются черепа из Офнетской пещеры на территории Западной Германии²⁰. Любопытно отметить, что мезолитический очаг брахикрании территориально не связан с верхнепалеолитическим и тем более со среднепалеолитическим — мы фиксируем его в новом районе. Таким образом, тенденция к брахикрании — достаточно широко распространенное явление в морфологии палеолитического человечества, начиная с самых ранних этапов его истории. На этом основании была высказана гипотеза²¹, согласно которой брахикефализация представляет собою не направленную идущий процесс, падающий на поздние стадии биологической истории человечества, а возникает всегда, когда создаются для этого подходящие условия, а именно происходит названное В. В. Бунаком основной причиной брахикефализации смещение ростовых фаз²², что кажется автору весьма вероятным. Брахикефалия людей, живших в Солютрэ, с этой точки зрения не морфологический артефакт, а выражение стабильной эволюционной закономерности в пределах семейства гоминид.

После всего сказанного трудно защищать традиционную точку зрения об исключительной долихокрании верхнепалеолитического населения. Для популярных и полупопулярных книг о происхождении человека до сих пор типична фигура рослого «кроманьонца» с широким лицом и удлинённой головой. Удлиненная форма черепной коробки у этой фигуры — миф, как, впрочем, и другие морфологические характеристики. Широкая амплитуда вариаций ширины черепной коробки и головного указателя была свойственна, по-видимому, верхнепалеолитическим популяциям в высокой степени, хотя долихокранные группы и составляли среди них, как уже говорилось, большинство. Поэтому повторяю в качестве вывода: удлиненную форму черепной коробки, зафиксированную у кроманьонской находки и превратившуюся в ходе времени в отличительный признак «кроманьонского» типа, обнимающего собой якобы все палеолитическое население Европы, нельзя считать действительно характерной для всех европейских популяций эпохи верхнего палеолита. Подобная точка зрения представляет собой дань устаревшей традиции, заблуждение, укоренившееся в науке, и должна быть оставлена.

Упомянутые выше черепа из Солютрэ выделяются не только брахикранией, но и относительно низким широким лицевым скелетом. Средняя скуловая ширина у двух мужских черепов достигает 144,5 мм, на одном женском черепе она равна 133 мм. Средняя верхняя высота лица равна соответственно 70,0 мм (три мужских черепа) и 66,0 мм — два женских черепа, т. е. примерно средняя на современный масштаб. При таком соотношении абсолютных размеров верхний лицевой указатель не достигает 50,0; у двух мужских черепов он равен в среднем 48,8, у одного женского — 49,6. Налицо, следовательно, тот самый относительно низкий лицевой скелет, который считался неременной особенностью верхнепалеолитического населения Европы в целом. Но симптоматично, что подобное строение лица сочетается с брахикранией; многократное вычисление коэффициента корреляции как в разных краниологических сериях, так и в соматологических выборках показало, что ширина голо-

²⁰ Scheidt W. Die eiszeitlichen Schädelknochen aus der grossen Ofnet-Höhle und vom Kaufirsberg bei Nördlingen. München, 1923; Saller K. Die Ofnet-Funde in neuer Zusammensetzung//Zeitschrift, für Morphologie und Anthropologie. 1962. Bd. 52. H. 1.

²¹ Алексеев В. П. Указ. раб.

²² Бунак В. В. Структурные изменения черепа в процессе брахикефализации//Тр. V Всесоюзного съезда анатомов, гистологов и эмбриологов. Л., 1951; его же. Об эволюции формы черепа человека//Вопросы антропологии. 1968. Вып. 30.

вы и лица связаны высокой положительной внутригрупповой корреляцией. Из самого факта существования такой корреляции трудно сделать определенный вывод о ведущем в этой паре признаков, не подсказывается он и другими данными, но в данном случае это и неважно — связь эта многократно доказана, и ее достаточно, чтобы объяснить лептопрозопность солютрэйских черепов за счет их брахикрапии.

Во всех других случаях столь внушительная ширина лицевого скелета гораздо менее очевидна. Чтобы не опираться на индивидуальные вариации у отдельных черепов (например, у мужского черепа из Оберкасселя скуловой диаметр очень велик²³), а перейти на уровень суммарных данных, выбраны два района с наибольшей концентрацией верхнепалеолитических погребений — территории нынешней Франции и Чехословакии — и по ним вычислены средние для мужских и женских находок. Уже рассмотренные черепа из Солютрэ, естественно, не включены во французскую группу. Она представлена следующими находками: Кро-Маньон²⁴, Комб-Капель²⁵, Шанселяд²⁶, Ложери Басс²⁷, Рок де Серс²⁸, Ля Мадлен²⁹, Журдан³⁰, Вейрьер³¹, Кап Блан³², Сен-Жермен-ля-Ривьер³³, Видон³⁴, Лафэ³⁵, Плакар³⁶ и Сорд³⁷.

В чехословацкую группу включены черепа из таких местонахождений, как Пшедмости³⁸, Дольни Вестонице³⁹, Брно⁴⁰, Младеч⁴¹ и Павлов⁴². Не включен череп из Подбабы, фигурировавший во многих предыдущих сводках как верхнепалеолитический, но на самом деле гораздо более поздний, может быть, даже относящийся к эпохе железа⁴³. И при таком объединении число наблюдений невелико, но все же можно проследить основные тенденции групповой изменчивости. В скуловой ширине обе группы различаются мало, обнаруживая в целом близость к среднему европейскому типу (имеются в виду современные краниологические серии) или превосходя его лишь в слабой степени.

²³ Verworn M., Bonnet R., Steinmann G. Der diluviale Menschenfund von Obercassel bei Bonn. Wiesbaden, 1919.

²⁴ Vallois H., Billy G. Nouvelles recherches sur les hommes fossiles de l'abri de Cro-Magnon/L'Anthropologie. 1965. T. 69. № 1—2, 3—4.

²⁵ Morant G. Op. cit.

²⁶ Morant G. Studies of palaeolithic man. I. Chancelade skull and its relation to the modern Eskimo skull//Annales of eugenics. 1926. V. 1. P. III—IV; Vallois H. Nouvelles recherches sur le squelette de Chancelade/L'Anthropologie. 1941—1946. T. 50. № 1—2.

²⁷ Morant G. Studies of palaeolithic man. IV.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Pittard E., Sauter R. Un squelette magdalénien provenant de la station de Grenouilles (Veyrier, Haute-Savoie)//Archives suisses de l'anthropologie générale. 1945. T. 11.

³² Bonin G. von. The Magdalenian skeleton from Cap Blanc in the Field museum of natural history. Urbana, 1935.

³³ Blanchard R., Peyrony D., Vallois H. Le gisement et le squelette de Saint-Germain-la-Rivière//Archives de l'Institut de la paléontologie humaine. P. 1972. Mem. 33. Guth Ch. Le squelette magdalénien de Saint-Germain-la-Rivière//Ann. scient. Univ. Besançon. 1973. Serie 3 (géologie). Fasc. 18.

³⁴ Riquet R. Quelques documents réputés paléolithiques//Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthrop. de Paris. 1972. Ser. XII. T. 9.

³⁵ Genet-Varcin E., Miquel M. Contribution à l'étude du squelette magdalénien de l'abri Lafaye, à Broniquel (Tarn-et-Garonne)//L'Anthropologie. 1967. T. 71. N 5—6.

³⁶ Morant G. Studies of Palaeolithic man. IV.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Matiegka I. Homo předměstensis. Fossilní člověk z Předměstí na Moravi. I. Lebký. Prague, 1934.

³⁹ Morant G. Studies of Palaeolithic man, IV; Maly J. Lebký fossilního člověka z Dolních Věstonic//Anthropologie. Prague. 1939. T. 17. Klíma B. Objev diluvialního hrobu v Dolních Věstonicích//Casop. Moravského musea. 1950. T. XXXV. Jelinek J. Nález fossilního člověka Dolní Věstonice III//Anthropozoikum. 1954. Č. III.

⁴⁰ Jelinek J., Pelíšek J., Valoch K. Der fossile Mensch Brno II//Anthropos (neue series). Brno. 1959. V. 1. Č. 9.

⁴¹ Morant G. Studies of palaeolithic man, IV.

⁴² Vlček E. Nouvelles trouvailles de l'homme du pleistocène récent de Pavlov (CSSR)//Anthropos (new series). Brno. 1963. V. 6. Č. 14.

⁴³ Vlček E. Artificially deformed skulls from the migration period from Praha — Podbaba//Anthropologie. Brno, 1969. T. VII. № 2.

Скуловая ширина

Мужские черепа с территории Франции (5 наблюдений)	. 135,6 мм
Женские черепа с территории Франции (4 наблюдения)	. 133,0 мм
Мужские черепа с территории Чехословакии (3 наблюдения)	. 136,7 мм
Женские черепа с территории Чехословакии (4 наблюдения)	. 130,8 мм

На основании этих средних нет никаких возможностей говорить, что верхнепалеолитическое население Европы занимало какое-то особое место по отношению к современному, и если бы в распоряжении антропологов начала века были бы подобные величины вместо единичных измерений на черепе из Кро-Маньона и нескольких других, то концепция «широколицего кроманьонца» просто не смогла бы возникнуть.

Различия в верхней высоте лица между рассматриваемыми локальными группами ощутимы, но и этот признак не выявляет специфических отличий верхнепалеолитических людей от современных популяций Европы. Если средним, опирающимся на три—четыре наблюдения, можно верить, то они показывают, что французская группа была не низколица, а широколица, тогда как чехословацкая приближалась и по ширине лица к среднему европейскому типу.

Верхняя высота лица

Мужские черепа с территории Франции (3 наблюдения)	. 75,3 мм
Женские черепа с территории Франции (3 наблюдения)	. 66,7 мм
Мужские черепа с территории Чехословакии (3 наблюдения)	. 71,7 мм
Женские черепа с территории Чехословакии (4 наблюдения)	. 63,8 мм

Относительная высота лица также больше в первой группе, во второй группе она средняя у мужских черепов и скорее низкая у женских. Но в целом и по верхнему лицевому указателю верхнепалеолитические люди в массе своей не отличались от современных, имея внутри себя, конечно, какие-то групповые вариации.

Верхний лицевой указатель

Мужские черепа с территории Франции (3 наблюдения)	. 54,3
Женские черепа с территории Франции (2 наблюдения)	. 50,0
Мужские черепа с территории Чехословакии (3 наблюдения)	. 52,4
Женские черепа с территории Чехословакии (4 наблюдения)	. 49,3

Что демонстрируют в итоге все приведенные цифры? Бытующие представления о широком и низком лицевом скелете всех верхнепалеолитических людей Европы, подобно представлениям об их долихокрании, являются легендой, опирающейся на первые единичные наблюдения, бытующей много лет, но не подтверждающейся более полными данными и поэтому требующей ревизии. Сейчас подобные представления должны быть оставлены — популярный образ кроманьонца теряет еще одну из приписываемых ему особенностей. Что касается горизонтального фацио-церебрального отношения, то оно во всех случаях групповых средних не превышает 95,0, т. е. никак не кажется странным на фоне современных европейских вариаций.

Сводка данных по длине тела ископаемых людей верхнего палеолита Европы составлена с учетом новых данных⁴⁴, и все приводимые дальше данные взяты из нее, что избавляет от ссылок на специальные публикации. Определение длины тела верхнепалеолитических людей сопряжено со многими трудностями, наибольшая из них состоит в том, что существующие формулы вычисления длины тела по продольным размерам длинных костей конечностей рассчитаны на групповой материал и применение их в индивидуальных случаях сопряжено с большими ошибками. Чтобы по возможности избежать их и получить основания для более или менее объективного суждения, ниже приводится во всех случаях длина тела, вычисленная как средняя из тех величин, которые были получены по разным формулам. Использованы семь формул — Пирсона и Ли, Троттер и Глезер для трех больших рас, Оливье, В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца⁴⁵.

⁴⁴ Алексеев В. П. Указ. раб.

⁴⁵ Обзор формул см.: Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.

Вычисленная на базе всех находок средняя длина тела верхнепалеолитических людей Европы равна 173,1 см для мужчин и 160,4 см для женщин. Строго говоря, это несовпадающие величины, значительно превышающие более или менее обычные вариации полового диморфизма. Мужчины попадают в категорию высокорослых, хотя далеко уступают современному среднему максимуму в 179—180 см, зафиксированному у некоторых локальных популяций шотландцев и черногорцев. Женщины, напротив, оказываются среди наиболее низкорослых европейских популяций. При небольшом числе наблюдений такие результаты могли получиться за счет случайности выборки, и осторожнее не прибегать для их объяснения к другим гипотезам. Но и эти суммарные результаты отвергают возможность рассматривать население европейского верхнего палеолита как особо высокорослое.

Первые находки мужских скелетов, действительно, отличались большими размерами длинных костей, что дает и большую вычисленную длину тела.

Павилэнд («Красная леди») ⁴⁶	174,3 см
Кавийон (Гримальди)	174,5 см
Грот Детей (Гримальди, «кроманьонский» тип)	185,5 см
Барма Гранде I (Гримальди, музей Ментоны)	184,5 см
Барма Гранде II (Гримальди)	176,7 см
Бассо да Торре II	177,1 см
Кро-Маньон I	177,1 см
Кро-Маньон III	177,8 см
Оберкассель	174,5 см
Младеч	174,6 см

Длина тела женщин гораздо скромнее, если мы ограничимся даже ранними находками.

Грот Детей (Гримальди, «негроидный» тип)	163,8 см
Кро-Маньон II	167,8 см
Оберкассель	155,4 см

Внушительные размеры мужских скелетов, видимо, так подействовали на воображение первых исследователей, занимавшихся ими, что они не заметили или не хотели заметить — они не повторяются на женских скелетах. О какой-то особой степени развития полового диморфизма у верхнепалеолитического населения по сравнению с современным не приходится говорить, так как этот признак является довольно стойкой видовой характеристикой. Но и среди ранних находок мужских скелетов не все отличались большой длиной тела, примером чему являются находки на стоянках Комб-Капель (длина тела — 166,8 см) и Шанселяд (163 см). Близкий к среднему рост имела группа Пшедмости: четыре мужских скелета дают среднюю, равную 169,6 см, два женских — 163,3 см. Индивидуальные вариации распределяются в этой группе следующим образом, обнаруживая значительный разброс и демонстрируя, что даже в пределах одной популяции уживались и крайне высокорослые, и очень низкорослые индивидуумы:

Пшедмости I, мужчина	157,9 см
Пшедмости III, мужчина	179,0 см
Пшедмости IX, мужчина	168,7 см
Пшедмости XIV, мужчина	172,8 см
Пшедмости IV, женщина	164,1 см
Пшедмости X, женщина	162,5 см

И в последние десятилетия в руки палеоантропологов попадали крупные скелеты из верхнепалеолитических погребений, например скелеты из Павлова (длина тела 182,7 см) и из Сунгиря (180,4 см). Однако наряду с ними были описаны скелеты из Дёбритца (161,6 см), со стоянок Костенки II (168,6 см) и Костенки XIV (163,9 см). Женские скелеты,

⁴⁶ Размеры и массивность длинных костей не дают возможности поддержать первоначальный диагноз пола и считать скелет женским. Скорее он мужской, хотя тазовые кости, которые помогли бы разрешить сомнения, не сохранились.

описанные в последние десятилетия, еще более низкорослы и, как и ранние находки, приближаются к минимальным вариациям в современном населении.

Фаринкорт	152,3 см
Кап Бланк	160,4 см
Сен-Жермен-ля-Ривьер	156,8 см

Итак, заканчивая рассмотрение приведенных данных, мы можем констатировать, что и последняя особенность пресловутых верхнепалеолитических «кроманьонцев» — якобы большая длина тела — не существовала реально на групповом уровне, была представлена лишь в индивидуальных случаях, и указания на нее в литературе суть отзвук легенды, возникшей на заре изучения палеоантропологии палеолита и стойко бытующей из-за неоправданного внимания к морфологической специфике вновь открываемых находок. Верхнепалеолитические популяции имели и малую, и среднюю, и выше средней длину тела, но не отличались, повторяю, никакой особой высокорослостью по сравнению с современным населением Европы.

Общий вывод из всего сказанного напрашивается сам собой. Этот вывод состоит в отрицании реального существования того комплекса признаков, который на протяжении десятилетий считался характерным для верхнепалеолитического населения Европы. Ни высокий рост, ни широкое и низкое лицо, ни долихокранный черепной коробок, ни скуловая ширина, превышающая ширину черепной коробки, не составляют в целом отличительных морфологических особенностей верхнепалеолитических популяций, хотя и представлены в типе отдельных находок. Каждая из этих популяций характеризовалась специфическим лишь для нее набором вариаций, что, видимо, и имел в первую очередь в виду В. В. Бунак, формулируя свою концепцию краниологического полиморфизма населения эпохи верхнего палеолита⁴⁷. Весьма вероятно, что подобный полиморфизм был свойствен и популяциям гоминид более ранних эпох⁴⁸. Разумеется, эти полиморфные популяции не эволюционировали независимо одна от другой, а складывались в локальные варианты. Но проблема локальных вариантов, одна из фундаментальных в палеоантропологии верхнего палеолита, требует особого рассмотрения.

⁴⁷ Бунак В. В. Выступление на совещании по проблеме происхождения Homo sapiens//Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1950. Вып. IX; *его же*. Человеческие расы и пути их образования//Сов. этнография, 1956. № 1; *его же*. Череп человека и стадии его формирования; *его же*. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.

⁴⁸ Алексеев В. П. Палеоантропология земного шара...

М. Л. Бутовская

ЭВОЛЮЦИЯ ГРУППОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИМАТОВ КАК ПРЕДПОСЫЛКА АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА

Исследование эволюции сообщества приматов — один из наиболее важных аспектов этологии, связанный непосредственно с вопросом о происхождении и развитии первобытного общества. До настоящего времени предпринимались многократные попытки создания приемлемой классификации разных типов групповой организации у приматов, например классификация Дж. Эйсенберга, Р. Рудрана¹. Этими авторами было выделено пять типов сообществ, развитие которых представлено как условный эволюционный ряд от наиболее примитивного типа — материнской

¹ Eisenberg J. F., Muckenhirn N. A., Rudran R. The Relation Between Ecology and Social Structure in Primates.— Science, 1972, v. 176, № 4037, p. 863—874.